

В. А. Иванов

МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия, v.v.a.ivanoff@yandex.ru

ПОДРАЗУМЕВАЕТСЯ ЛИ ПОДМЕННЫЙ РИТУАЛ В ТЕКСТАХ ТРАДИЦИИ ГОРОДА ТАУРИСЫ?

В литературе высказывалось предположение, что лувийский мифологический нарратив из найденной в Хаттусе клинописной таблички-сборника КВо 43.223+ (СТН 764) содержит описание подменного обряда, а именно создания горшка, функционирующего как ритуальный заместитель для больной головы человека (КВо 43.223+ об. ст. iii 17'–20', СТН 764). В данной работе демонстрируется четырёхчастная структура хетто-лувийских заговоров традиции города Таурисы (СТН 764–766), к которой принадлежит обсуждаемый фрагмент. Анализ сюжетных параллелей показал, что данный пассаж не может содержать описание подменного обряда, а описывает вред, который нанесла человеку персонифицированная болезнь.

Ключевые слова: Хеттский язык, лувийский язык, хеттская религия, лувийская религия, традиция Таурисы, миф, мифологический нарратив, заговоры, подменный ритуал.

Valerii A. Ivanov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, v.v.a.ivanoff@yandex.ru

Is the substitute ritual implied in the Tauriša tradition?

The Hittite-Luwian cuneiform text KBo 43.223+ (CTH 764) found in Hittite capital Ḫattuša contains at least two mythological narratives, which belong to the so-called Tauriša tradition (CTH 764–766). In recent scholarship one can find an interpretation of the Luwian passage (KBo 43.223+ rev. iii 17'–20', CTH 764), which describes a pot as a head of the patient, as a substitution rite. However, structural parallels with the other texts from the Tauriša tradition, which all belong to the genre of conjurations, show that all their mythological narratives consist of four phases. The Luwian passage under discussion is a part of the third phase, where a divine report about the disaster is preserved, whereas the measures for treating the patient are typically contained in the fourth phase. The change of number in the verbal forms reflects the role of divine attendants of the disease, which finds parallels in other texts of the Tauriša tradition as well. Thus, passage (KBo 43.223+ rev. iii 17'–20', CTH 764) need not be interpreted as description of a substitution rite based on either textual or linguistic features.

Keywords: Hittite-Luwian texts, cuneiform Luwian, Tauriša tradition, Luwian language, Hittite religion, Luwian religion, conjurations, mythological narratives, substitution rituals.

Многие из хетто-лувийских текстов, найденных в архивах хеттской столицы Хаттусы-Богазкёя, записанных клинописью на глиняных табличках и содержащих мифологические нарративы (СТН 764–766), принадлежат к так называемой традиции города Таурисы¹. Эти тексты объединены исследователями в единый корпус на основе общих черт в пантеоне, языке, наборе ритуальных формул и целей их применения (Mouton, Yakubovich 2021: 38–46). В данном исследовании будет рассмотрен один сюжет, принадлежащий к мифологическим нарративам, главными героями которых являются боги таурисийской триады — бог Защитник города Таурисы и его родители: бог Солнца и богиня Камрусепя. Все эти тексты имеют единую структуру: сначала рассказывается о произошедшем катаклизме космического или локального характера, отразившемся на здоровье человека, затем один из богов таурисийской триады интересуется, что случилось, после чего ему пересказывают историю о несчастье, а в конце боги находят решение, восстанавливают мировой порядок и исцеляют больного.

Колофоны глиняных табличек сообщают, что данные тексты относятся к особому жанру — заговорам, — обозначаемому хеттским термином *ḫukmai-* или его аккадским аналогом *ŠIPTU* (HEД Н: 326)². Такие тексты отличны от ритуалов (шум. SISKUR): они не имеют авторства, меньше по объёму, в них отсутствуют описания ритуальных действий — вероятно, эти тексты необходимо было произносить параллельно с приготовлением лекарства (Mouton, Yakubovich 2021: 40). Палеографический анализ показывает, что все тексты традиции Таурисы относятся к Среднехеттскому (XV–XIV вв. до н. э.) и Новохеттскому (XIV — начало XII вв. до н. э.) периодам (Starke 1985: 218–221).

В литературе высказывалось предположение, что один из текстов традиции Таурисы содержит описание подменного обряда

¹ Все тексты, найденные в архивах Хаттусы-Богазкёя, имеют привязку к определённому номеру СТН (*Catalogue des textes hittites*, см. список СТН на сайте Майнцского хеттологического портала URL: <https://www.hethport.uni-wuerzburg.de/CTH/> дата обращения 06.02.2024). Номер СТН присваивается согласно жанровым, языковым, авторским и прочим особенностям текста. Каталог, в целом, основан на практике, принятой в: Lagroche 1971.

² Названия композиций в текстах СТН 764–766 представлены, например, во фрагментах КВо 12.100 об. ст. 9' 2 *ŠI-PÁT QA-TI* 'Два заговора. Конец', КВо 8.130+ об. ст. iii 22"–23" *ki-i ŠI-PÁT ma-a-an MUNUS-za ar-ma-[iz-zi ...] / a-uš-zi na-an*^{LU} *A.ZU ki-iš-ša-[an ḫu-uk-ki-iš-ke-ez-zi]* 'Это заклинание: если беремен[ная] женщина [во сне ...] / видит, её врач так [заговаривает]'.

— особой ритуальной практики, состоящей в перенесении нечистой субстанции с заказчика ритуала на ассоциирующегося с ним носителя скверны, который затем уничтожался или изгонялся в дикую местность (Kümmel 1967: 2; Gurney 1977: 52; Haas 1994: 895–896; Soysal 2004: 103–104, п. 11). Обсуждаемый пассаж находится на табличке-сборнике КВо 43.223+ (СТН 764)³, где представлены по меньшей мере два мифологических нарратива о пире богов: первый переведён на хеттский язык (КВо 43.223+ лиц. ст. i 1'–ii 3'), второй записан по-лувийски (КВо 43.223+ об. ст. iii 1'–27'). В первой истории бог Грозы приглашает богов на пир, но забывает о Великом боге. Тот злится и начинает разрушать окружающий мир, также смешивая «члены и голову человеческого ребёнка», от чего они «горят огнём». Бог Солнца интересуется, что произошло, и бог Защитник города Таурисы пересказывает ему эту историю. Дальнейшее повествование находится в лакуне. Вторая история рассказывает о пире, который устроил бог Солнца. В этот раз на пир не пригласили болезнь глаз и головы, которая злится и начинает вредить человеку. Далее описаны некие манипуляции с горшком и пожар, после чего текст обрывается. Именно махинации с горшком, по мнению исследователей, и могут представлять собой подменный ритуал.

КВо 43.223+ об. ст. iii 17'–20', СТН 764.

[...] SAG.DU-aš-ši-iš IGI.ḪIA-wa-aš-ši-iš GIG-an-ṛte-eš¹⁷

[...] -x tar-pí-i-ta a-wa DUMU.LÚ.U₁₉.LU-in SAG.DU-in DUGÚTUL-ṛin¹

[ma-al-ḫu-w]a-an-da a-wa-at-ta IGI.ḪIA-wa a-an-da ú-wa-ar-ša lu-u-wa-an-d[a]

[a-wa-at-t]a ṛma¹-an-na-wa-an-ni-in a-an-da ta-am-ma ku-u-ša-a-in-ta

‘Болезнь глаз и головы *tarpīta* [...]. Голову человеческого ребёнка (как) горшок [разби]ли. В глаза воду налили. На носу порезы сделали (дословно: вырезали).’

Лувийский глагол *tarpī-* был проинтерпретирован исследователями в значении ‘замещать’, а упоминание горшка и головы в данном параграфе было расценено как параллель одному из обрядов, включенных в хетто-лувийский ритуал из традиции Куватталлы (СТН 762), где горшок также играет роль заместителя человеческой головы (Josephson 1979: 181–182)⁴. В последующей

³ Транслитерацию и перевод текста см. в: Steitler 2017: 388–394.

⁴ Автор указывает на лувийскую фразу *ḫarmaḫaššiš tarpāšša* ‘заместитель головы’ из (СТН 762.2, KUB 35.70 лиц. ст. ii 23); см. также фрагменты, принадлежащие к этому же корпусу текстов (СТН 759.12, KUB 35.71+ лиц. ст. ii 3; СТН 762.1.k, КВо 29.63 г.col. 6'), изданному в Yakubovich, Mouton 2023. Следует отметить, что обозна-

литературе указывалось, что глагол *tarpī-* не обозначает процесс замещения, а описывает негативные действия болезни по отношению к человеку⁵, однако интерпретация всего пассажа как описания подменного ритуала сохранилась (Steitler 2017: 398–399).

Чтобы точнее определить смысл данного параграфа, представляется необходимым рассмотреть его в контексте структуры, по которой построены все заговоры, принадлежащие к хеттолувийской традиции города Таурисы. Композиция текста заговора на фрагменте КВо 12.89 имеет наиболее полную сохранность, и поэтому в данной работе она будет представлять собой образец.

КВо 12.89⁶

лиц. ст. 1'–7'

[Он собрал великих богов, он собрал] малы[х богов, он собрал чи]стых орло[в. Свобо]дного [места?] не было. Они [с]ели [на окна]. Они вы[шли, — там вете]р. Они вошли, — [там дым].

лиц. ст. 8'–10'

[...] выпускает дым. Они ругаются, богохульствуют. Камрусепа посмотрела с неба вниз: «А что это (случилось)?»

лиц. ст. 11'–20'

«[Великий бог] Солнца устроил пир. Он [соб]рал великих [богов], [он собрал] малых богов, он собрал чистых орлов. [Свобод]ного [места?] не было. Они [сели] на ок[на]. Они вышли, — там ветер. [Они вош]ли, — там дым. [...] выпускает дым. [Они] ругают[ся, богохульствуют]. А теперь у сына человеческого глаза [...]. Он ругается, [богохульствует]». [...] заклин]ает. «[Мы] также [берём] это [для] вс[ех]».

об. ст. 1–2

[...] его [...] и [...] его не движается.

об. ст. 3–8

«Мы также берём [эт]о для всех. Пусть они возьмут [...] зелень. Пусть они возьмут [чис]тый [...]. Горошек [... пусть они возьмут]. Пусть они приложат это к нему. Белое [...] пусть выйдет»

чение горшка аналогичным хеттским термином засвидетельствовано в ритуале Мاستигги против семейной ссоры (SAG.DU=KUNU *tarpalli*-СТН 404, КВо 39.8 об. ст. iv 11) (Miller 2004: 101).

⁵ Это итеративный глагол, а его детерминатив в лувийских иероглифических текстах свидетельствует, что он обозначает выполняемое ногами действие. Родственный ему ликийский глагол *trbbe*^(ti) 'ступать', видимо, содержит также значение 'атаковать' (ср. рус. наступать), также распространяющееся и на лувийский *tarpī-* (Sasseville 2020: 222).

⁶ Первичную транслитерацию фрагмента см. в (Torti, Barsacchi 2018: 99–101).

об. ст. 9–10

Пусть *āuli-* выйдет. Пусть *īpri-* выйдет.

Инкорпорированный в заговор мифологический нарратив состоит из четырёх фаз. В первой фазе (лиц. ст. 1'–9') описывается событие, которое нарушило мировой порядок: в выбранном примере это — испорченное для богов пиршество, из-за чего боги начинают ссориться, и наступает вторая фаза нарратива, где богиня Камрусепы спрашивает, что случилось (лиц. ст. 9'–10'). Затем следует третья фаза, представляющая собой пересказ событий первой фазы⁷, в конце которой сообщается, что из-за ссоры богов у «человеческого сына» (хетт. *dandukišnan DUMU-an*) заболели глаза (лиц. ст. 11'–19'). Нарратив завершается описанием рецепта лекарства от глазной боли (лиц. ст. 20'–об. ст. 10), который, вероятно, диктует богиня Камрусепы⁸, представляющим собой четвёртую фазу заговора.

Мифологические нарративы в заговорах на табличке-сборнике КВо 43.223+ построены по такой же схеме. Так, в хеттском заговоре на лицевой стороне таблички описаны три фазы нарратива⁹, четвёртая находится в лакуне. Помещённый на оборот лувийский заговор начинается описанием гнева болезни глаз и головы, не приглашённой на пир (КВо 43.223+ об. ст. iii 1'–7', первая фаза нарратива), затем бог Солнца спрашивает Камрусепу, что случилось (КВо 43.223+ об. ст. iii 8'–9', вторая фаза нарратива), после чего бог Защитник города Таурисы начинает пересказывать историю (КВо 43.223+ об. ст. iii 10'–16'). При этом последние строки сохранившегося фрагмента (КВо 43.223+ об. ст. iii 24'–27') дословно совпадают с первыми строками, где было помещено окончание первой фазы нарратива (КВо 43.223+ об. ст. iii 4'–7'). И таким образом, отрывок (КВо 43.223+ об. ст. iii 17'–20') должен принадлежать к третьей фазе нарратива, в которой рассказывается о постигших человека бедствиях. Это исключает возможность описания в нём подменного обряда в качестве рецепта, потому что такой пассаж должен был бы относиться к четвёртой фазе, оказавшейся в лакуне.

Теперь обратимся к интерпретациям грамматических конструкций из рассматриваемого пассажа, чтобы подкрепить

⁷ Текст отличается от помещённого в первую фразу наличием клитической частицы *=wa*, маркирующей прямую речь.

⁸ Согласно хеттским повериям, богиня Камрусепы была ответственна за магическое лечение болезней (Haas 1994: 439–440).

⁹ Описание гнева Великого бога — первая фаза, вопрос бога Солнца, что случилось, и просьба Камрусепы, обращённая к богу Защитнику города Таурисы, рассказать о случившемся — вторая фаза, пересказ событий — третья фаза.

высказанное выше утверждение. Аргументацией в пользу наличия в заговоре описания подменного обряда служит интерпретация строк 19'–20' как сообщения о превращении горшка в подобие человеческой головы: «налили воду (как) глаза, вырезали порезы (как) нос» (см. выше), основанная на анализе конструкции с двойным аккумулятивом (ср. Steitler 2017: 399; Rieken, Sasseville 2019: 531–532). Недостатком данного анализа является неправильный порядок слов: ожидалось бы, что прямой объект (вода, порезы и т. д.) должен предшествовать указанию на его функцию, а не следовать за ним. Также обращается внимание на отсутствие форм дательного-местного падежа в обсуждаемом отрывке, который свидетельствовал бы, что действия направлены на определённые части тела (Steitler 2017: 399).

Поэтому возможно предложить альтернативные интерпретации аккумулятивов в данном пассаже¹⁰. Первый из двух аккумулятивов можно рассматривать как аккумулятив направления (*accusativus directionis*), обозначающий, куда направлено движение (ср. «налили воду в глаза»). Аккумулятив направления засвидетельствован несколько раз в хеттском языке (Cotticelli-Kurras 2007: 136–137)¹¹, для которого он является архаичной чертой, а также в ряде других древних индоевропейских языков (HGr: 248–249), что позволяет предположить такое значение аккумулятива и для лувийского. В клинописном лувийском корпусе есть ещё одна клауза, которая может быть проинтерпретирована как содержащая аккумулятив направления¹², хотя употребление аккумулятива здесь также может объясняться синтаксисом предлога *pariyan* (ср. HGr: 301 относительно ситуации в хеттском). Против данной интерпретации свидетельствует то, что глагол *kūšāi-* 'резать' не является ни глаголом движения, ни глаголом направленного действия, и потому для него сочетание с аккумулятивом направления проблематично (ср. рус. «процарапали царапину на носу», а не «процарапали царапину на нос»). При этом три других глагола, употреблённые в рассматриваемых клаузах, 'налить', 'принести' и

¹⁰ Необходимо отметить, что в двух строках, следующих за рассматриваемым параграфом, повествование продолжается по той же схеме (аккумулятив, *anda*, аккумулятив, глагол). СТН 764 КВо 43.223 об. ст. iii 21'–22' [...] (-)x-an-da-ḫi-in-za^{HLA} an-da ša-al-ti-in-ni-mi-in up-pa-an-d[a] / [... tap-p]a-ni-in-za a-an-da ḫu-u-wa-al-mi-in-za du-ú-wa-an-d[a].

¹¹ Самый явный пример аккумулятива направления в хеттском — СТН 263 KUB 13.3 лиц. ст. ii 11' *nu-uš-ma-aš-kán ḪUR.SAG-an pá-r-ḫa-an-zi* 'Они будут преследовать вас в горы'.

¹² КВо 13.260 об. ст. iii 13'–15' *a-at-ta a-ad-du-wa-an-za / pa-ri-ia-an ad-du-wa-li-ia-an / wa-at-ta-ni-ia-an up-^rpa^r-an-na-an-du* 'Пусть они унесут (своё) зло прочь в страну зла'.

‘положить’ такой проблемы не вызывают. Теоретически возможно допустить, что употребление аккузатива *mannawannin* в конструкции *mannawannin ānda tamma kūšāinta* вызвано аналогией с тремя другими клаузами, описывающими параллельные действия.

Другим вариантом анализа форм аккузатива представляется аккузатив отношения (*accusativus relationis*), который также засвидетельствован в хеттском языке (HGr: 248), и, возможно, равным образом в лувийском¹³. В этом случае, перевод должен быть такой: «(Что касается) глаз, они налили воду. (Что касается) носа, они вырезали порезы». Вариантом данного термина является аккузатив ограничения (*accusativus limitationis*), широко употребляемый в грецистике (Kieckers 1912).

Этот анализ показывает, что конструкции с дательным-местным падежом не являлись единственным способом выразить идею о нанесении вреда пациенту. Эта же идея вполне могла быть передана другими средствами, а именно аккузативом направления или аккузативом отношения.

Следует также разобрать изменение форм глаголов в данном пассаже. Глагол *tarpī-* имеет форму прошедшего времени третьего лица единственного числа *tar-pī-i-ta* ‘он(а) атаковал(а)’, в то время как остальные представленные глаголы стоят во множественном числе: [*ma-al-ḥu-w*]a-an-da ‘они разбили’, *lu-u-wa-an-da* ‘они налили’ и *ku-u-ša-a-in-ta* ‘они порезали’. Изменение количества акторов приводится в качестве дополнительного аргумента к интерпретации пассажа как подменного обряда: даже если сначала голову атакует одна болезнь, то затем описываются действия исполнителей ритуала, создающих горшок-заместитель (Steitler 2017: 399). Однако текстуальные параллели с другими хетто-лувийскими заговорами могут указывать на то, что множественным числом обозначены действия помощников упомянутого в начале параграфа актора. Так, в тексте КВо 12.89

¹³ СТН 409 KUB 12.58 об. ст. iv 1–3 *wa-ap-pu-na-aš* DINGIR.‘МАҢ’ / *ka-a-ša-za* 12 ^{UZU}‘ÚR’ *pa-ap-ra-an-na-an-za tu-e-’el’* / ŠU-it *ša-pí-i-ia-an-[za]* *pár-ku-nu-wa-an-za* ‘О Богиня Мать Берега реки! Так очистишь от скверны и очистишь твоей рукой в отношении (твоих) двенадцати членов’. Возможно также выделение аккузатива отношения в следующем лувийском примере: KARKAMIŠ A15b §§ 14 *wa/i-ta* |REX-tá-za |‘FRONS’-hi-ti **ARMA-na** [kwa/i-ti (MANUS.ARMA)su-hi-i-ti-ha ‘Когда я сделал его превосходящим царей в отношении оружия’ (ср. альтернативный анализ в работе Yakubovich 2019: 551–552). Другие примеры использования аккузатива отношения в лувийском языке см. в Melchert 2003: 202. Что касается хеттского материала, то особенностью использования этой конструкции является её применение при описании частей тела.

(см. выше) число акторов становится множественным при описании излечения от недуга (KBo 12.89 лиц. ст. 20', об. ст. 3), а в родильном заклинании KUB 35.102(+) мать новорождённого ребёнка оберегают несколько духов-помощников бога Луны¹⁴. В обоих случаях волеизъявление основного персонажа выполняется его божественными помощниками, и таким образом, множественные формы глаголов в интересующем нас пассаже могут относиться к помощникам болезни, которые вредят человеку.

Сокращения / Abbreviations

- BSIEL — Brill's Studies in Indo-European Languages & Linguistics
 CTH — Laroche, E. (ed.) 1971: Catalogue des textes hittites
 DBH — Dresdner Beiträge zur Hethitologie
 HdO — Handbuch der Orientalistik. Leiden
 HED — Puhvel, J. Hittite Etymological Dictionary
 HGr — Hoffner, H.A., Melchert, H.C. 2008: A Grammar of the Hittite Language.
 JANER — Journal of Ancient Near Eastern Religions. Leiden
 JLR — Journal of Language Relationship. Moscow
 KBo — Keilschrifttexte aus Boghazköi
 KUB — Keilschrifturkunden aus Boghazköi
 StBoT — Studien zu den Boğazköy-Texten. Wiesbaden
 SMEA — Studi Micenei ed Egeo Anatolici

Литература / References

- Cotticelli-Kurras, P. 2007: Indogermanische Kasussyntax: Verwendungen und Wandel des Akkusativs im Hethitischen. In: *VI Congresso Internazionale di Ittitologia, Roma, 5-9 settembre 2005, Parte I*. SMEA 49. A. Archi, R. Francia (eds.). 123–145.
 Gurney, O. R. 1977: *Some aspects of Hittite religion. Schweich Lectures of the British Academy 1976*. Oxford: Oxford University Press.
 Haas, V. 1994: *Geschichte der hethitischen Religion*. HdO I/15. Leiden, New York, Köln: Brill.
 Hoffner, H. A., Melchert, H. C. 2008: *A Grammar of the Hittite Language. Part I: Reference Grammar*, Winona Lake, IN: Eisenbrauns.
 Josephson, F. 1979: Anatolien tarpa/i-, etc. In: *Florilegium anatolicum. Mélanges offerts à Emmanuel Laroche*. Paris: Éditions E. de Boccard. 177–184.
 Kieckers, E. 1912: Zum Accusativus Limitationis im Griechischen. *Indogermanische Forschungen* 30/1, 361–366.

¹⁴ KUB 35.102(+) лиц. ст. ii 17'–18' [i-ú]-un-ni-wa^dZUEN-an-za-an-za kum-ma-ia-a[n-za] / [ḫa-t]a-ia-an-na-an-za a-a-pa-an ḫi-iz-za-ú-un-[ni] 'Пусть мы пойдём (и) вверим её тем (слугам) бога Луны и чистым повитухам'.

- Kümmel, H. M. 1967: *Ersatzrituale für den hethitischen König*. StBoT 3. Wiesbaden: Otto Harrassowitz.
- Laroche, E. (ed.) 1971: *Catalogue des textes hittites*. Paris: Klincksieck.
- Melchert, H. C. 2003: Language. In: *The Luwians*. HdO I/68. Ed. H.C. Melchert. Leiden, Boston: Brill. 170–210.
- Miller, J. L. 2004: *Studies in the Origins, Development and Interpretation of the Kizzuwatna Rituals*. StBoT 46. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag.
- Mouton, A., Yakubovich, I. 2021: Where did one speak luwili? Geographic and linguistic diversity of Luwian cuneiform texts. *JLR* 19/1–2, 25–53.
- Puhvel, J. 1991: *Hittite Etymological Dictionary Vol. 3: Words beginning with H*. Berlin, New York: Mouton de Gruyter.
- Rieken, E., Sasseville, D. 2019: Die Wurzeln für „Schneiden“ im Luwischen. In: *“And I Knew Twelve Languages”*. A Tribute to Massimo Poetto on the Occasion of His 70th Birthday. Eds. N. B. Guzzo, Taracha P. Warsaw: Agade. 524–535.
- Sasseville, D. 2020: *Anatolian Verbal Stem Formation. Luwian, Lycian and Lydian*. BSIEL 21. Leiden, Boston: Brill.
- Soysal, O. 2004: On Hittite (LÚ) Ānt- “(The) Equal (one) > Rival” Again. *JANER* 4, 99–105.
- Starke, F. 1985: *Die keilschrift-luwischen Texte in Umschrift*. StBoT 31. Wiesbaden: Otto Harrassowitz.
- Steitler, C.W. 2017: *The Solar Deities of Bronze Age Anatolia. Studies in Texts of the Early Hittite Kingdom*. StBoT 62. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag.
- Torri, G., Barsacchi, F.G. 2018: *Hethitische Texte in Transkription — KBo 12*. DBH 50. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag.
- Yakubovich, I. 2019: The Mighty Weapon of Tarhunt. In: *Over the Mountains and Far Away. Studies in Near Eastern History and Archaeology Presented to Mirjo Salvini on the Occasion of His 80th Birthday*. Eds. P. S. Avetisan, Dan R., Grekyan Y. H. Oxford: Archaeopress. 544–559.
- Yakubovich, I., Mouton, A., 2023: *Luwili. Hittite-Luwian ritual texts attributed to Puriyanni, Kuwattalla and Šilalluḫi (CTH 758–763). Volume I: Edition and commentary. In cooperation with Laura Puértolas Rubio*. StBoT 72. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag.